

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Шугуров М.В.

МЕЖДУНАРОДНО ПРИЗНАННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: Предметом исследования является формирование правочеловеческого измерения глобального перехода к устойчивому развитию. Автор подробно освещает эволюцию признания значения прав человека для устойчивого развития в международных документах программно-стратегического характера и в международных многосторонних соглашениях. Большое место уделяется анализу принципа всеохватности устойчивого развития и императивного характера вовлечения в него всех без исключения людей. Немаловажное значение для раскрытия темы имеет обоснование права человека и народов на устойчивое развитие. Помимо этого делается вывод о том, что именно устойчивое развитие создает все необходимые условия для полного и эффективного уважения, соблюдения и осуществления всех прав и свобод человека. Исходным методологическим основанием проведенного анализа является понимание всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека в качестве основания всех позитивных процессов, происходящих в современном мире. Автор исходит из того, что многоаспектность устойчивого развития актуализирует принцип нераздельности, взаимосвязанности и согласованности всех международно признанных прав человека, который находит свое специфическое преломление в глобальной стратегии перехода к устойчивому развитию. Основными выводами исследования является обоснование положения о том, что права человека не могут быть отождествлены только с социальным измерением устойчивого развития, поскольку они пронизывают все аспекты последнего. Новизна исследования состоит в аргументированном выводе относительно формирования четвертого измерения устойчивого развития, такого как поддержание культурного многообразия, что также в свою очередь вовлекает в правочеловеческую основу устойчивого развития права и свободы человека в области культуры.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, права человека, международное право, глобализация, международное сотрудничество, право на развитие, культура, будущие поколения, цели развития, вовлеченность.

Abstract: The subject of this research is the formation of the human rights dimension of the global transition towards sustainable development. The author thoroughly follows the evolution of recognition of the significance of human rights for sustainable development within international documents of strategic nature and international multilateral treaties. Great attention is given to the analysis of the principle of the depth of sustainable development and the imperative character of inclusion of all people without exception. Among the main conclusions of this research is the substantiation of the position that human rights cannot be united only with the social dimension of sustainable development, since they penetrate all aspects of the latter. The scientific novelty consist in the substantiated conclusion with the regards to formation of the fourth dimension of sustainable development, such as support of cultural diversity, which also in turn involves the human rights and liberties in the area of culture into the human rights foundation of sustainable development.

Keywords: Right to development, international cooperation, globalization, international law, human rights, sustainable development, culture, future generations, goals of development, involvement.

Одной из наиболее важных стратегий современного мира стала стратегия устойчивого развития, предусматривающая гармонизацию трех измерений развития – экономического, экологического и социального. Идея устойчивого развития предполагает, что экономический рост не должен создавать непомерную нагрузку на окружающую среду, но и меры по защите окружающей среды

не должны подрывать возможность экономического роста, необходимого для решения социальных проблем. Иначе говоря, именно принцип сбалансированности как нельзя лучше конкретизирует идею устойчивого развития. На международном уровне правовым основанием перехода к устойчивому развитию стало международное право устойчивого развития (international law of/on sustainable development,

international sustainable development law) как интегральное единство норм и принципов международного экологического, международного экономического права, включая право содействия развитию, а также международного права прав человека [1 – 4].

Реализация стратегии перехода к устойчивому развитию, осуществляемая как на национальном, так и международном уровне, порождает целую массу дискуссионных вопросов, начиная от проблемы поощрения новых моделей бизнес-практик [5], новых требований к финансированию проектов в сфере развития с учетом их последствий для экологии и прав человека [6] и заканчивая проблемой значения защиты прав интеллектуальной собственности для передачи «зеленых» технологий. Одновременно к числу наиболее дискуссионных вопросов относится соотношение международно признанных прав человека и устойчивого развития, которое находит свое осмысление как в зарубежной [7; 1, р. 66 – 74; 8], так и отечественной юридической науке [9, 10].

Во многом это объясняется тем, что несмотря на то, что международное право прав человека обладает весомым потенциалом для того, чтобы играть ключевую роль в данной сфере, связь между правами человека и новыми задачами, поставленными глобальной стратегией устойчивого развития, остаются неясными [11, р. 62]. На наш взгляд, это связано с тем, что заявленная устойчивая траектория общецивилизационного развития призвана создать принципиально новые условия, как для осуществления международно признанных прав и свобод человека, так и для нового этапа их развития. В этой связи принцип всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека, будучи одним из основополагающих принципов современного международного права *jus cogens*, должен пониматься, с одной стороны, как императив перехода к устойчивому развитию, а с другой – как цель и смысл устойчивого развития. Практически в данном духе связь между правами человека и устойчивым развитием понимается на уровне международных организаций, государств и их региональных союзов. Так, в рамках ООН с 1998 года работа по интеграции прав человека в устойчивое развитие проводится Программой развития ООН (UNDP) [12, р. 113], которая придерживается правочеловеческого подхода к развитию (*right-based approach to development*). На уровне ЕС признается необходимость укоренения Стратегии устойчивого развития данного регионального союза государств в правах человека [13, р. 64].

Из сказанного ясно, что подобно всем процессам, происходящим в современном мире, переходу к устойчивому развитию также присуще такое измерение, как

права и свободы человека, восходящих к достоинству каждой человеческой личности. Рассмотрение данного измерения как принципиальной основы было предложено в известном «Докладе Брундтландт» [14], хотя и в достаточно аморфной форме. Вместе с тем, вполне можно согласиться и с тем, что существующая связь между правами человека, окружающей средой и устойчивым развитием была, в принципе, недвусмысленно признана еще в конце 1960-х гг. [15, р. 81].

Обратим внимание на то, что в п. 24 «Доклада Брундтландт» после обсуждения неблагоприятного воздействия на окружающую среду неустойчивого экономического роста, т.е. роста связанного с чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов, было затронуто такое социальное явление неустойчивого экономического роста, как нищета. Данное явление является обстоятельством, которое делает невозможным устойчивое развитие. Было также признано, что в условиях, когда в мире царит нищета, приобретая хронический характер, всегда будут происходить экологические и другие катастрофы. Далее был сделан вывод о том, что для обеспечения устойчивого развития необходимо создать условия для того, чтобы люди удовлетворяли свои элементарные потребности и реализовали свои надежды на более благополучную жизнь.

Подобное видение значения социального аспекта устойчивого развития в настоящее время уже не является бесспорным. Это связано с тем, что в конструкции Доклада устойчивое развитие мыслилось, прежде всего, как сбалансированность экономического роста и защиты окружающей среды, а решение социальной проблемы нищеты как социальной проблемы рассматривалось в качестве не столько аспекта, сколько необходимого условия устойчивого развития. К такому выводу можно прийти, анализируя высказывания о том, что, в принципе, можно взять под контроль технические аспекты и аспекты социальной организации устойчивого развития, благодаря чему можно добиться новой эры экономического роста. Одновременно с этим п. 28 Доклада совершенно правильно связывал удовлетворение основных потребностей человека не только с новой эрой экономического роста, но и со справедливым распределением ресурсов, необходимых для поддержания данного роста. Несомненно, что к таким ресурсам также относятся знания и технологии. Однако это не означает, что техника «решает все». Оснований к такому выводу не дает и сам Доклад, который акцентирует внимание на том, что своей цели подобное распределение ресурсов достигнет лишь в условиях соответствующих политических систем, «гарантирующих участие граждан в процессе приня-

тия решения, и демократизации процедуры принятия решения на международном уровне».

Кардинальное переосмысление правочеловеческого измерения устойчивого развития произошло на Встрече на высшем уровне по вопросам устойчивого развития (Йоханнесбург, 2002 г.). В п. 2 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию [16] была заявлена приверженность народов мира строительству гуманного, справедливого и заботливого глобального общества, которое осознает, что все нуждаются в человеческом достоинстве. Этот мотив нашел свое развитие в п. 18 данной Декларации.

Для современной доктрины прав и свобод человека характерно понимание того, что условием их наиболее полного и эффективного осуществления выступает устойчивость как особое качественное состояние общественных отношений на национальном и международном уровне. В сущности, идея устойчивого развития предполагает переход к такой модели развития, которая способствовала бы созданию качественно иной среды для претворения достоинства человеческой личности, ее прав и свобод. Именно права человека составляют «человеческое измерение» устойчивого развития. Вместе с тем, надо понимать, что устойчивость – это не статическая стабильность, а особое качество динамичного развития, а именно – его сбалансированность, в частности, сбалансированность его трех измерений. Подобное качество развития позволит в перспективе решить массу проблем человеческой цивилизации, которые нерешаемы в рамках моделей производства и потребления, которые часто называются моделями неустойчивого развития.

В современном понимании права человека не отождествляются только лишь с социальным измерением устойчивого развития. Дело в том, что права человека – основа и для экономического, и для экологического и, наконец, для социального развития. Аналогичная позиция высказывается и в зарубежной международно-правовой доктрине. Так, по мнению А. Хилдеринга, несмотря на то, что массив инструментов международного права прав человека является третьим главным источником права устойчивого развития, международно признанные права человека выступают принципиальной основой экономических и экологических правовых аспектов устойчивого развития [17, р. 35]. Таким образом, все измерения развития должны интегрироваться на основе императива неукоснительного соблюдения и наиболее полного осуществления прав и свобод человека. А это возможно благодаря тому, что международно признанные права и свободы представляют собой систему, существующую на основе принципа нераздельности,

согласованности, непротиворечивости и взаимосвязанности. Данный принцип, заявленный на Венской конференции ООН 1993 года по правам человека, является принципом современного международного права прав человека. В этом контексте можно согласиться с тем, что права человека – это центральный аспект социального принципа устойчивого развития [18, р. 103]. Одновременно следует продолжить, что права человека – центральный аспект экономического развития и защиты окружающей среды в их единстве, задаваемого идеей и стратегией устойчивого развития.

В сущности, устойчивое развитие представляет собой корреляцию развития, с одной стороны, и прав человека – с другой, что является трудно достижимой целью в рамках существующей модели производства и потребления, характеризующейся зачастую несвязанностью экономического роста, развития человеческого потенциала и охраны окружающей среды. Поэтому не случайно, что в преамбуле Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 года (далее – КБР) акцент поставлен на том, что сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия имеет решающее значение для удовлетворения потребностей в продовольствии и здравоохранении, а также иных потребностей растущего населения Земли. Далее было признано, что доступ, как к генетическим ресурсам, так и технологиям, и их совместное использование имеют важное значение для решения этих задач.

Нельзя не отметить, что неустойчивые модели производства и потребления – это лишь один из элементов неустойчивого развития, не позволяющего правам и свободам человека осуществиться в их полном объеме. Например, западные ТНК, загрязняя окружающую среду, нарушают тем самым экологические, да и социальные права человека [19]. Система негативных явлений неустойчивого развития достаточно исчерпывающе была охарактеризована в п. 19 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию – хронический голод и недоедание, иностранная оккупация, вооруженные конфликты, проблемы, связанные с распространением и употреблением наркотиков, организованная преступность, коррупция, стихийные бедствия, незаконный оборот оружия, торговля людьми, нетерпимость и подстрекательство к расовой, этнической, религиозной и другой ненависти, различные болезни эпидемического характера.

Если присмотреться к каждому из данных негативных явлений, то они являются препятствиями для осуществления тех или иных международно признанных прав и свобод человека. Подытоживая данный сюжет, хотелось бы привести высказывание

Генерального секретаря Пан Ги Муна на открытии 13-го Конгресса ООН по предотвращению преступности. Говоря о масштабах угрожающей миру и безопасности современной преступности, предполагающей столь же масштабные усилия по борьбе с ней, он подчеркнул, что без соблюдения прав человека, а равным образом и принципа верховенства права нельзя добиться устойчивого развития [20]. Международное сотрудничество по предотвращению данных явлений на различных уровнях, в сущности, коррелирует деятельности по защите прав человека.

Основанием вывода о правочеловеческой основе устойчивого развития является включение в рамках Итогового документа конференции ООН по устойчивому развитию Рио+20 (Рио-де-Жанейро, 20-22 июня 2012 г.) [21] в перечень основных ориентиров устойчивого развития таких ценностных ориентиров, как свобода, мир и безопасность, верховенства закона, гендерное равенство, приверженность построению ориентированного на развитие справедливого и демократического общества, а также и признание необходимости соблюдения всех прав человека, в том числе права на развитие и права на надлежащий уровень жизни, включая право на питание (п. 8). Дальнейшее закрепление данного ориентира получил в п. 9, где подчеркивается обязанность всех государств в соответствии с Уставом ООН соблюдать, защищать и поощрять права человека, основные свободы для всех без каких бы то ни было различий по признакам расы, цвета кожи, пола, языка или религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения, инвалидности или другим признакам. В результате обращает на себя внимание сбалансированная приверженность правами человека и международному праву в целом. В п. 9 нашло свое подтверждение значение Всеобщей декларации прав человека и других международных инструментов в области международного права в целом и в области прав человека в частности.

Необходимо отметить, что включение пунктов о необходимости всеобщего уважения и соблюдения прав человека в Итоговый документ Рио+20 стало возможным благодаря усилиям Верховного комиссара ООН по правам человека – Нави Пиллей. По ее мнению, «права человека и устойчивое развитие неразрывно связаны между собой – без четких гарантий прав человека политика, направленная на продвижение целей в области развития и экологии, может иметь серьезные последствия для прав людей и качества их жизни». Иными словами, было призна-

но, что устойчивое развитие просто невозможно без надлежащей для современных условий защиты прав человека [22]. Исходя из необходимости баланса прав человека и «зеленой» экономики, во время переговоров по Итоговому документу Верховный комиссар призвала государства осветить в нем вопросы прав человека на питание, здравоохранение, развитие и т.д.

В качестве конкретного обоснования правочеловеческого измерения устойчивого развития и перехода к нему можно сослаться на перечисление в Итоговом документе РИО+20 целого ряда прав человека, таких как право на наивысший уровень психического и физического здоровья (п. 138), репродуктивные права (п. 145), право на труд (п. 154), право на образование (п. 152 и особенно п. 229, предусматривающий использование ИКТ в образовательном процессе), распространяющееся в том числе и на образование в сфере устойчивого развития (п. 233). Нельзя не упомянуть и о праве на достаточный жизненный уровень, включающий право на достаточное, полноценное и безопасное питание (п. 108).

Как представляется, необходимость соблюдения принципа всеобщего уважения и соблюдения прав человека в расширенной форме сформулирована в подп. d) п. 58 Итогового документа РИО+20. Здесь подтверждается, что стратегия развития «зеленой экономики» должна предоставлять возможности и приносить блага для всех, а также расширять права и возможности всех слоев населения и способствовать соблюдению прав человека. Эта констатация непосредственно вытекает из *принципа всеохватности устойчивого развития*. Как следует из п. 31, устойчивое развитие должно быть всеохватным и ставить во главу угла *интересы человека и осуществляться в интересах* и при участии всех слоев населения, включая молодежь и детей. Нельзя не отметить, что формулировка, связанная с обеспечением устойчивого развития в интересах всех, встречалась ранее в других документах, например, п. 5 Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 года [23].

Здесь мы подходим к одному из наиболее интересных моментов, а именно к тому, что стратегия устойчивого развития оказывает обратное влияние на развитие содержания прав человека. В частности, в свете данной стратегии можно уже говорить не просто о праве на развитие, относящегося к так называемым коллективным правам третьего поколения, а о *праве на устойчивое развитие*. Это новый момент в доктрине прав человека. По сути, право на устойчивое развитие является универсальным, так как в конвенциях в сфере устойчивого развития, закрепляющих в том

числе обязательства государств в сфере уважения, обеспечения и соблюдения прав человека, участвует подавляющее число государств современного мира.

Именно такой подход является фундаментом принципа подлинной всеохватности устойчивого развития, который коррелятивен не только равенству прав государства на устойчивое развитие, но и универсальному равенству всех людей в данной сфере. Это означает, что международно признанное право на развитие, которое относится к поколению групповых прав, но основным бенефициарием которых продолжает оставаться индивид, приобретает форму международно признанного права индивидов, народов и государств на устойчивое развитие. Напомним, что в п. 5 ст. 3 «Принципы» Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. закреплён принцип сотрудничества, обеспечивающий развитие *всех* Сторон. Помимо этого в п. 4 ст. 3 Принципы» провозглашается право Сторон на устойчивое развитие: «Стороны имеют право на устойчивое развитие и должны содействовать ему». С нашей точки зрения, можно говорить о том, что в современных условиях устойчивое развитие осознаётся наиболее адекватным условием осуществления не только коллективного, но и индивидуального права на развитие как такового, острую потребность в котором особенно испытывают развивающиеся государства. В частности, в Преамбуле КБР признаётся, что «экономическое и социальное развитие и ликвидация бедности являются первейшими и главенствующими задачами развивающихся стран».

Таким образом, из универсального характера права на развитие проистекает и универсальное признание права на устойчивое развитие. Как верно отмечается в зарубежных исследованиях, каждое человеческое существо обладает правом на развитие, но это развитие должно быть также ещё и устойчивым и должно быть развитием для всех, а не развитием для тех или иных каст. «Процесс развития не должен нарушать принципы демократии и прав человека тех людей, которые вовлечены в это развитие» [24, р. 226].

Отмеченный выше принцип всеохватности устойчивого развития обосновывает универсальный характер права на устойчивое развитие и означает, что в переход к устойчивому развитию на равной и свободной основе должны быть вовлечены отдельные индивиды, группы, сообщества, государства и народы. Из всеохватности следует вывести принцип запрета на дискриминацию в доступе к устойчивому развитию и участию в нём. В сущности, бенефициариями устойчивого развития выступают как мужчины, так и женщины, что предполагает соблюдение

принципа гендерного равенства в процессе перехода к устойчивому развитию (п. 236 и далее).

Как бы то ни было, особое внимание уделяется праву женщин на устойчивое развитие. Данное право предусмотрено в Повестке дня на XXI век [25], Целях развития тысячелетия [26], Планах выполнения решений Встречи на всемирном уровне по вопросам устойчивого развития 2002 года, также оно закреплено в п. 20 Йоханнесбургской декларации. Кстати говоря, как отмечается в преамбуле КБР, в деле сохранения и устойчивого разнообразия большую роль играют женщины, поэтому необходимо добиваться их участия в процессе выработки и осуществления на всех уровнях политики в сфере устойчивого использования и сохранения биоразнообразия. Важнейшим подкреплением этого принципа является признание роли и прав женщин в сфере доступа и использования генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний в Нагойском протоколе 2010 года к КБР. В настоящее время Верховный комиссар ООН по правам человека выступает за включение задачи защиты прав женщин в список целей устойчивого развития, которые в системной форме обсуждаются в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году [27].

Большое внимание современное мировое сообщество уделяет не только реализации права на устойчивое развитие применительно к уязвимым слоям населения, но и к коренным народам. Достаточно интересно, что в п. 25 Йоханнесбургской декларации говорится о роли коренных народов в устойчивом развитии. (На роль коренных народов в устойчиво развитии также указывалось в Повестке дня на XXI век и других документах). С нашей точки зрения, это можно интерпретировать не только в качестве неявного признания права коренных народов на устойчивое развитие, но и акцентирование их потенциала, в частности традиционных знаний и технологий, которые могут сыграть свою роль в расширении практики неистощительного природопользования.

Нельзя не отметить, что переход к устойчивому развитию обусловлен не только развертыванием сотрудничества в сфере, например, передачи технологий, оказания финансовой помощи, но и сфере стабилизации международной обстановки, усиления безопасности. В этом случае ориентиром устойчивого развития выступает право человека, зафиксированное в ст. 29 ВДПЧ, признающей, что «каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены». К угрозам по отношению к миру и

стабильности можно отнести терроризм, локальные конфликты, слабость режима нераспространения и т.д. В этом свете стратегия устойчивого развития предусматривает, в том числе, политический проект нового миропорядка, коррелирующего формирование нового экономического миропорядка. В итоге индивид и народы имеют право на безопасный и справедливый мировой порядок, в котором получают свое полное осуществление права и свободы человека, включая право на устойчивое развитие.

Развивая тезис о праве человека на безопасный мировой порядок, являющийся условием и следствием устойчивого развития, следует отметить, что большое значение в последнее время стало уделяться такому праву, как право на безопасность. Ввиду того, что современные модели производства и потребления основаны на недостаточно безопасной технологической базе, то чрезвычайно востребованной оказывается безопасная модель научно-технологического прогресса. Поэтому переход к устойчивому развитию должен быть сопряжен с обеспечением права человека на безопасный научно-технологический прогресс. В этом случае следует говорить о конкретизации содержания права человека и народов на участие в научно-техническом прогрессе и использование его результатов (п. *b* ст. 15.1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Это является одним из актуальных аспектов перехода к устойчивому развитию, так как данный процесс связан с широким масштабом разработок и использования различных технологий, начиная от ИКТ и заканчивая биотехнологиями, имеющих рискованный характер. В соответствии с этим можно говорить о важности разных видов безопасности, начиная от кибербезопасности и заканчивая биобезопасностью, что актуализирует значимость принципа предосторожности (*precautionary principle*) в его самом широком понимании.

В данном контексте важная роль принадлежит Картахенскому протоколу по биобезопасности 2000 г. к КБР, предусматривающему принцип предосторожности как основание цели Протокола – «содействие обеспечению надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом рисков для здоровья человека и с уделением особого внимания трансграничному перемещению». В сущности, аналогичная формулировка содержится в п. 2 ст. 2 Протокола с той только разницей, что здесь указывается на обязательства

государств не только учитывать риски для здоровья человека, но и принимать меры по недопущению или уменьшению рисков для биологического разнообразия в процессе получения, использования, передачи и т.д. живых измененных организмов.

В качестве нового направления обсуждения правочеловеческого измерения устойчивого развития следует указать на стремление обозначить вопросы культурного разнообразия в качестве его четвертого измерения. С нашей точки зрения, этот аспект проблемы нашел свое отражение в п. 5 Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 года. Здесь отмечалось, что существенно важное значение для достижения устойчивого развития и обеспечения того, чтобы устойчивое развитие отвечало интересам всех, принадлежит таким факторам как мир, безопасность, стабильность и уважение прав человека и основных свобод, включая право на развитие, а также уважение культурного разнообразия.

В результате, переход к устойчивому развитию призван обеспечить реализацию культурных прав человека, включая право на культурное разнообразие. Это связано с тем, что в переход к устойчивому развитию оказываются вовлеченными не просто народы, но прежде всего культуры. Как думается, устойчивое развитие предполагает не только новый экономический, финансовый, технологический, но и новый глобальный культурный миропорядок, в котором все культуры (разумеется, в той мере, в какой они согласуются с правами человека) одинаково значимы.

Характерно, что сдвиг в направлении культурного плюрализма ранее нашел свое воплощение в Йоханнесбургской декларации, где в п. 16 говорилось о нашем разнообразии (т.е. разнообразии народов – М.Ш.), которое придает нам всем силы и которое должно использоваться для достижения коллективного партнерства в интересах общей цели устойчивого развития. Напомним, что данную цель (сверхцель) следует в соответствии с п. 2 воспринимать как создание гуманного, справедливого и заботливого глобального общества, в котором все люди уважаются в своем достоинстве. В качестве исходного пункта для осмысления этих вопросов может выступить п. 17 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию, в котором содержится призыв развивать диалог и сотрудничество между цивилизациями и народами мира, независимо от расы, инвалидности, религии, языка, культуры и или традиций. Таким образом, принцип всеохватности предполагает включенность всех культур в процесс перехода к устойчивому развитию.

С прагматической точки зрения обращение к культурному измерению может быть истолковано как активизация ресурса культуры и культурного разнообразия. Со своей стороны, устойчивое развитие предполагает новые условия для развития культуры на основе их еще более интенсивного взаимообогащения. При этом следует учитывать произошедший парадигмальный сдвиг, предполагающий переход от диалога культур к их разнообразию, что было зафиксировано в Конвенции ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [28]. В преамбуле Конвенции говорится о том, что культурное разнообразие не только создает богатый и многообразный мир, предоставляющий диапазон выбора и обеспечивающий питательную среду для человеческих возможностей и ценностей, но и является *движущей силой устойчивого развития* (курсив мой – М.Ш.) для сообществ, народов и наций. Более того принцип устойчивого развития стал одним из руководящих принципов Конвенции, в ст. 2 которой охрана, поощрение и поддержание культурного разнообразия, являющегося ценным достоянием для людей и обществ, продемонстрировано как одно из важнейших требований обеспечения устойчивого развития в интересах нынешнего и будущих поколений. Указанному пониманию культурного разнообразия, равным образом различных источников знаний, предшествовало его понимание не только как основополагающей характеристики человеческого общества, но и в качестве необходимого и оберегаемого источника прогресса, а также материального и духовного благосостояния всего человечества [29].

Обращает на себя внимание то, что поскольку культурное разнообразие заявлено в качестве движущей силы устойчивого развития, то его охрана и поощрение, в конечном счете, подчинены цели перехода к устойчивому развитию. На примере целого ряда международных соглашений можно видеть, что устойчивое развитие предполагает целый ряд условий, например, устойчивый экономический рост, искоренение нищеты, социальное развитие, как об этом говорится, например, в Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием 1994 года. Одновременно данные условия, которые являются аспектами устойчивого развития, подчас рассматриваются и как цели устойчивого развития. Поэтому следуя данной логике, культурное многообразие следует рассматривать как цель устойчивого развития, его аспект и его необходимое условие. Отсюда все действия, направленные на поддержание культурного разнообразия, – это необходимые условия перехода к устойчивому развитию, предполагающему устойчивые модели производства

и потребления, которые не могут не иметь обоснования сквозь призму культурных смыслов и ценностей.

С учетом сказанного вопрос о культурных ресурсах устойчивого развития и возможности культурного обоснования новых моделей устойчивого производства и потребления приобретает наибольшую значимость. Именно этот аспект также надо иметь в виду при осмыслении пункта 21 Декларации РИО 1992 [30], в котором говорилось о том, что у мирового сообщества есть средства и ресурсы для решения проблем, которые связаны с искоренением нищеты и обеспечением устойчивого развития: «Мы вместе предпримем дополнительные шаги для обеспечения того, чтобы эти имеющиеся ресурсы использовались на благо человечества». Культурное разнообразие может выступить ресурсом перехода к устойчивому развитию только в том случае, если оно находится под эгидой общечеловеческой солидарности. Именно на основании укрепления общечеловеческой солидарности с учетом признания плюрализма культур можно преодолеть угрозы в отношении культуры, которые сопряжены с неустойчивыми моделями производства и потребления, а также негативными явлениями, характеризующими современную модель глобализации.

Важно подчеркнуть, что на рассмотрении культуры как четвертого компонента устойчивого развития настаивает Декларация о включении культуры в цели устойчивого развития, разработанная по инициативе национальных и международных организаций в области культуры и развития [31]. В п. L данного документа подчеркивается, что культура, предполагающая сохранение наследия разнообразия и творчества не менее важна, чем экономические, социальные и экологические аспекты. То, что переход к устойчивому развитию предполагает согласование не трех, а четырех аспектов – экологического, экономического, социального и культурного – можно проследить в некоторых международных документах, например, в ст. 2 Конвенции МОТ о коренных народах 1979 года. Аналогичная тематика отражается и в документах стратегического характера, непосредственно связанных с обеспечением перехода к устойчивому развитию, а именно в той их части, где говорится о роли и правах коренных народов при переходе к устойчивому развитию. В подп. j) п. 58 Итогового документа РИО+20 государства признали необходимость повышения уровня благосостояния коренных народов и их общин, других местных и традиционных общин и этнических меньшинств, подтвердили необходимость поддержки их идентичности, культуры и интересов, а также сочли необходимым не допускать возникновения угрозы их

культурному наследию, практике и *традиционным знаниям*, «сохраняя и уважая нерыночные подходы, способствующие ликвидации нищеты».

Культурологический аспект перехода к устойчивому развитию достаточно четко прочитывается в положениях международных документов, касающихся роли и значения традиционного знания для данного перехода. Традиционное знание – это неотъемлемый элемент общин, который рассматривается как ресурс устойчивого развития в рию-де-жайнерских и других конвенциях. В частности, в преамбуле Нагойского протокола непосредственно говорится не только о том, что традиционное знание тесно связано с использованием генетических ресурсов, но и о том, что данное знание, существуя в устном или документированном виде, отражает богатое культурное наследие, которое нуждается в сохранении и использовании. Помимо этого, в связи с тем, что, например, использование биоразнообразия составляет неотъемлемую часть и основу традиционного образа жизни, то устойчивое развитие через сохранение биоразнообразия

обеспечивает все условия для реализации права коренных народов на свободу самоопределения, главным образом, культурного.

Подводя итоги, надо отметить, что несмотря на признание важности перехода к устойчивому развитию, в настоящее время пока не выработана согласованная система его целей. Однако имеющееся понимание принципа всеобщего уважения прав и свобод человека в качестве основы всех четырех измерений устойчивого развития создает условия для их эффективной интеграции. Можно полагать, что обновление согласованных целей развития предстанет также в качестве обоснования систематизации целей устойчивого развития, стремление к достижению которых будет способствовать возникновению новых направлений международного сотрудничества и создаст новую среду для полного и эффективного осуществления прав и свобод человека. Это в очередной раз продемонстрирует основополагающее значение международного права прав человека в качестве инструмента перехода к новому сценарию общечивилизационного развития.

Библиография:

1. Tladi D. Sustainable development in International Law: An Analysis of Key Enviro-Economic Instruments. Pretoria: Pretoria University Press, 2007. 274 pp.
2. Segger M.-C. C. Sustainable Development Law: Principles, Practices, and Prospects. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 464 pp.
3. Урсул А.Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 63 – 134.
4. Шугуров М.В. Международно-правовые основания перехода к устойчивому развитию // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 161 – 180.
5. Haman R., Woolman S., Sprague C. The Business of Sustainable Development in Africa: Human Rights, Partnership, Alternative Business Models. Pretoria: Unisa Press, 2008. 359 pp.
6. Leader Sh., Ong D. (eds.) Global Project Finance, Human Rights and Sustainable Development. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 2013. 534 pp.
7. Charrin J.-B. Connecting Public International Law: International Human Rights Law as Sustainable Development Law – the Case of the Right to Water. Hamburg: AV Akademikerverlag GmbH&Co. Kg, 2010. 64 pp.
8. Kumar A. (ed.) Human Rights and Sustainable Development. New Delhi: SARUP&SONS, 2006. 320 pp.
9. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2000. 320 с.
10. Шугуров М.В. Права человека как институциональный фактор устойчивого развития: международно-правовой аспект // Философская и правовая мысль. СПб. – Саратов, 2003. Вып. 6. С. 34 – 56.
11. French D. International Law and Policy of Sustainable Development. Manchester: Manchester University Press, 2005. 218 pp.
12. Oberleithner G. Global Human Rights Institutions. Cambridge: Polity Press, 2007. 225 pp.
13. Pallemmaerts M., Azmanova A. (eds.) The European Union and Sustainable Development. Internal and External Dimensions. Brussel: Asp/Vubpress/Upa, 2006. 341 pp.
14. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развитию // A/42/427, 4 Августа 1987 года // <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>.
15. Salid M.A. Mohamad (ed.). Climate Change and Sustainable Development: New Challenges or Poverty Reduction. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. 335 pp.
16. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию 2002 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml.
17. Hilderling A. International Law, Sustainable Development and Water management. The Netherlands: Eburon Academic Publisher, 2004. 226 pp.
18. Hossain K. Preface to McCrudden Ch., Davies A. A Perspective on Trade and Labour Rights. In: Gehring M.W., Segger M.-C.C. (eds.) Sustainable Development in World Trade Law. The Netherlands Kluwer Law International, 2005. Pp. 103 – 106.

19. Cui R. *Oil Multinationals in Nigeria Human Rights? Sustainable Development and the Law*. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2015. 72 pp.
20. Пан Ги Мун: Предотвращение преступности имеет решающее значение для устойчивого развития (12.04.2015) // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/189881>.
21. «Будущее, которого мы хотим»: Итоговый документ конференции ООН РИО+20, принятый резолюцией ГА ООН 66/288 от 11 сентября 2012 года // <http://daccess-dds-ny.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/PDF/N1147612/pdf?OpenElement>.
22. Нави Пиллэй: устойчивое развитие невозможно без надлежащего соблюдения прав человека (12.06.2012) // <http://www.un.org/russian/news/ru/print.asp?newsid=17668>.
23. План выполнения решений Всемирной встречи (в Йоханнесбурге) на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 года // A/CONF/199/20 // http://www.un.org/russian/confer/wssd/docs/plan_wssd.pdf.
24. Dhagamwar V., Thunkral E.G., Singh M. The Sardar Sarovar Project: A study in Sustainable Development? In: Fisher W.E. (ed.) *Toward Sustainable Development?: Struggling Over India's Narmada River*. N.Y.: M.E. Sharpe, 1995. Pp. 226 – 290.
25. Agenda XXI // Report UNs Conference on Environment and Development. Vol. 1. Resolutions Adopted by the Conference. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. P. 469 // (A/CONF.51/26/Rev.1(Vol.1)) // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/55/PDF/№283655.pdf?OpenElement>.
26. Цели в области развития // <http://www.un.org/Russian/millenniumgoals>.
27. В ООН призывают сделать защиту прав женщин целью устойчивого развития (10.02.2014) // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/158574>.
28. Конвенция ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 года // http://www.un.org.ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cult_diversity.pdf.
29. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/475/44/PFD/N0147544>.
30. Рио-де-жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3 – 14 июня 1992 г.). Т.1 Резолюции, принятые на конференции. С. 7 // A/CONF.51/26/Rev.1. Vol.1 // <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/№283657.pdf?OpenElement>.
31. Декларация о включении культуры в цели устойчивого развития от 1 мая 2014 года // <http://www.culture2015goal.net>.
32. Бабин Б.В. Право на развитие как глобальное право: международное и национальные измерения // *Международное право*. – 2013. – 2. – С. 67 – 84. DOI: 10.7256/2306-9899.2013.2.5108. URL: http://www.e-notabene.ru/wl/article_5108.html

References (transliterated):

1. Tladi D. *Sustainable development in International Law: An Analysis of Key Enviro-Economic Instruments*. Pretoria: Pretoria University Press, 2007. 274 pp.
2. Segger M.-C. C. *Sustainable Development Law: Principles, Practices, and Prospects*. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 464 pp.
3. Ursul A.D. Pravo ustoichivogo razvitiya: kontseptual'no-metodologicheskie problemy stanovleniya // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2013. № 6. S. 63 – 134.
4. Shugurov M.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya perekhoda k ustoichivomu razvitiyu // *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2013. № 2. С. 161 – 180.
5. Haman R., Woolman S., Sprague C. *The Business of Sustainable Development in Africa: Human Rights, Partnership, Alternative Business Models*. Pretoria: Unisa Press, 2008. 359 pp.
6. Leader Sh., Ong D. (eds.) *Global Project Finance, Human Rights and Sustainable Development*. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 2013. 534 pp.
7. Charrin J.-B. *Connecting Public International Law: International Human Rights Law as Sustainable Development Law – the Case of the Right to Water*. Hamburg: AV Akademikerverlag GmbH&Co. Kg, 2010. 64 pp.
8. Kumar A. (ed.) *Human Rights and Sustainable Development*. New Delhi: SARUP&SONS, 2006. 320 pp.
9. Shugurov M.V. Prava cheloveka kak institutsional'nyi faktor ustoichivogo razvitiya: mezhdunarodno-pravovoi aspekt // *Filosofskaya i pravovaya mys'l'*. SPb. – Saratov, 2003. Vyp. 6. S. 34 – 56.
10. French D. *International Law and Policy of Sustainable Development*. Manchester: Manchester University Press, 2005. 218 pp.
11. Oberleithner G. *Global Human Rights Institutions*. Cambridge: Polity Press, 2007. 225 pp.
12. Pallemarts M., Azmanova A. (eds.) *The European Union and Sustainable Development. Internal and External Dimensions*. Brussel: Asp/Vubpress/Upa, 2006. 341 pp.
13. Salid M.A. Mohamad (ed.) *Climate Change and Sustainable Development: New Challenges or Poverty Reduction*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. 335 pp.
14. Hilderling A. *International Law, Sustainable Development and Water management*. The Netherlands: Eburon Academic Publisher, 2004. 226 pp.
15. Hossain K. Preface to McCrudden Ch., Davies A. A Perspective on Trade and Labour Rights. In: Gehring M.W., Segger M.-C.C. (eds.) *Sustainable Development in World Trade Law*. The Netherlands Kluwer Law International, 2005. Pp. 103 – 106.
16. Cui R. *Oil Multinationals in Nigeria Human Rights? Sustainable Development and the Law*. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2015. 72 pp.
17. Pan Gi Mun: Predotvrashchenie prestupnosti imeet reshayushchee znachenie dlya ustoichivogo razvitiya (12.04.2015) // <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/189881>.

18. Dhagamwar V., Thunkral E.G., Singh M. The Sardar Sarovar Project: A study in Sustainable Development? In: Fisher W.E. (ed.) *Toward Sustainable Development?: Struggling Over India's Narmada River*. N.Y.: M.E. Sharpe, 1995. Pp. 226 – 290.
19. Babin B.V. Pravo na razvitie kak global'noe pravo: mezhdunarodnoe i natsional'nye izmereniya // *Mezhdunarodnoe pravo*. – 2013. – 2. – С. 67 – 84. DOI: 10.7256/2306-9899.2013.2.5108. URL: http://www.e-notabene.ru/wl/article_5108.html